

Нет автора

Русское слово

1865. 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1865. 10 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 506 с.

ISBN 978-5-458-02991-9

ISBN 978-5-458-02991-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ное развитіе каждаго органа въ отдѣльности. Греческая и римская головка нравится намъ не только по своей пропорціональности, но и по развитію черепа, свидѣтельствующему о развитіи мозга. Широкій черепъ съ вынуклыми висками и открытымъ лбомъ всегда будетъ красивѣе плоскаго, узкаго или длиннаго черепа, если бы даже послѣдній относительно лица и туловища былъ сложенъ и пропорціонально. Точно также, почему мы восхищаемся красивымъ торсомъ напр. Венеры милосской, медицейской, Юпитера или Аполлона бельведерскаго и пр? Потому что этотъ торсъ служитъ выраженіемъ полной гармоніи фізіологической жизни. Взглянемъ-ли мы на мускулы, на устройство грудной клѣтки, таза, на груди и пр., и мы видимъ, что здѣсь каждая часть и каждый органъ какъ бы просятъ исполнить свою функцію и обнаруживаютъ скрывающуюся въ нихъ полную и гармоническую жизнь. Отнимите у Венеры одно какое нибудь качество, напр. представьте, что грудная клѣтка ея плоска, или что тазъ уже, тогда впечатлѣніе совершенно измѣнится. Такая Венера, не смотря на ея прекрасную головку, будетъ внушать не восхищеніе, а грустное, тяжелое чувство, какое внушаютъ намъ вообще болѣзни и недостатки человѣческіе. Если бы мы привыкли почаще отдавать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, то во многихъ случаяхъ поняли бы, почему видѣніе одного человѣка производитъ на насъ пріятное впечатлѣніе, а другого — отталкивающее. Симпатіи и антипатіи наши не безотчетны и кажутся намъ такими только потому, что процессъ умозаключенія, основывающійся на тѣхъ или другихъ признакахъ человѣка, происходитъ слишкомъ быстро, неуловимо. Относительно физической красоты слово — нравится и не нравится, произносимое нами часто безотчетно, всегда имѣетъ свое основаніе. Полнота и правильность жизни, гдѣ бы и въ чемъ бы она ни проявлялась, всегда производитъ пріятное впечатлѣніе, и наоборотъ, болѣзненность, угнетеніе, страданіе вызываютъ впечатлѣніе грустное. Вслѣдствіе этого человѣкъ безотчетно стремится въ тому, чтобы дышать большею и лучшею жизнью. Вслѣдствіе этого мы чувствуемъ симпатію преимущественно къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ какъ физическая, такъ и нравственная жизнь выражается полнѣе и гармоничнѣе, точно также какъ мы больше склонны наслаждаться цвѣтущей природой (весной), а не заглохшей и скованной зимними морозами. При половыхъ вкусахъ это безотчетное влеченіе къ цвѣтущей жизни проявляется еще сильнѣе. Пластическая красота, съ пробивающейся наружу кипучею жизнью, во всякомъ гораздо легче вызоветъ чувство любви, чѣмъ красота на увядающемъ или сраженномъ болѣзнію тѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи половой вкусъ руководится болѣе или менѣе замаскированнымъ, даже не сознаваемымъ, но совершенно естественнымъ чувствомъ (чутьемъ), указывающимъ на ближайшую соответственность избираемаго лица для половыхъ цѣлей. Въ каждомъ человѣкѣ, какъ и въ животномъ, существуетъ половой инстинктъ, замаскированный розовыми красками въ видѣ сердечныхъ отношеній, и поэтому самому инстинктъ весьма дѣятельный и въ высшей степени важный, потому что онъ служитъ рычагомъ для продолженія рода всего живущаго. Помощію его природа указываетъ человѣку на одну изъ главныхъ физиологическихъ цѣлей, и, не оскорбляя нескотливаго чувства стыдливости, незамѣтно подводитъ его къ этой цѣли, окружая ее ореоломъ любви и нравственныхъ отношеній.

Но однимъ инстинктомъ полового влеченія природа достигла бы только цѣли размноженія, безъ дальнѣйшей гарантіи качества размножаемыхъ продуктовъ. Нужно было вложить въ человека такое чувство или такое стремленіе, которое бы отыскивало факторовъ для произведенія болѣе совершенныхъ индивидуумовъ, стало бы болѣе удовлетворяющихъ цѣли размноженія. Поэтому вмѣстѣ съ инстинктомъ полового влеченія у человека существуетъ стремленіе къ обладанію существомъ болѣе совершеннымъ, т. е. болѣе здоровымъ, правильно сложеннымъ и развитымъ и, стало бы, красивымъ. Такимъ образомъ, понятіе о человѣческой красотѣ, тѣсно связанное съ инстинктомъ половой любви, при половыхъ влеченіяхъ основывается на пригодности или непригодности человека къ размноженію рода. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія чувство человѣческой красоты должно вытекать изъ понятія о степени здоровья рассматриваемаго индивидуума, о полнотѣ и совершенствѣ его физиологической и моральной жизни, и слѣдовательно вкусъ, отыскивающий красоту въ здоровья, долженъ считаться вкусомъ неестественнымъ.

Древніе эстетики очень хорошо поняли условія идеальной красоты; поэтому каждое ихъ изображеніе представляетъ не только пропорціональное развитіе всѣхъ частей человѣческаго тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на болѣе совершенное и вмѣстѣ съ тѣмъ пропорціональное же физиологическое отправленіе этихъ частей. Эта олицетворенная въ мраморѣ нормальная физиологическая жизнь, дышащая силой и здоровьемъ, — жизнь, при которой ни одинъ органъ не развился и не дѣйствуетъ въ ущербъ другому и служитъ душой художественнаго произведенія.

Мы не хотимъ сказать, чтобы понятіе о красотѣ было совершенно тождественно съ понятіемъ о здоровьѣ. Много людей мо-

луть считаться совершенно здоровыми, но не красивыми, потому что тонкая пропорциональность и гармония частей не составляют еще необходимого условия здоровья. Но съ другой стороны, истинная красота без здоровья, т. е. без нормальнаго устройства и опирающагося на органы тела, существовать не может. Выходя съ этой точки зрѣнія, можно установить общій идеалъ чело-вѣческой красоты, къ которому слѣдуетъ подводить всѣ личныя типы.

Потребность усовершенствованія умственныхъ и нравственныхъ качествъ такъ же свойственна человѣку, какъ и потребность усовершенствованія здоровья и красоты. Но и здѣсь точно такъ же, какъ и во вкусахъ, нравственное чутье у различныхъ націй и сословій, смотря по степени ихъ развитія, бываетъ различно. Въ общемъ итогѣ, однако же, массы неизбѣжно стремятся къ тому, чтобы поднять уровень своего умственнаго и нравственнаго развитія. Эта цѣль достигается какъ индивидуальнымъ умственнымъ трудомъ, такъ и наследственной передачей выработанной такимъ образомъ способности къ этому труду при благопріятствующихъ половыхъ сочетаніяхъ. Въ силу этого требованія, при устройствѣ брачныхъ союзовъ, большею частію имѣется въ виду степень нравственныхъ и умственныхъ качествъ выбираемаго лица; благородство и развитость породы. Насколько эта потребность можетъ выполняться путемъ наследственности, мы показали въ предыдущей главѣ. При частномъ разборѣ условій, содѣйствующихъ измѣненію породы, мы прежде всего поставимъ:

а) ВКУСЪ И ЗАПРОСЪ НА ИЗВѢСТНЫЯ КАЧЕСТВА.

Каждый человѣкъ сознательно или безсознательно стремится къ тому, чтобы видѣть въ себѣ и своемъ потомствѣ лучшія качества, касается-ли это внѣшнихъ признаковъ или моральныхъ свойствъ. Руководимый этимъ побужденіемъ, онъ заботится о своей внѣшности физіономіи, костюмѣ, обстановкѣ; поэтому же самому истиннѣе полового влеченія указываетъ ему на личности, по его субъективнымъ понятіямъ болѣе совершенныя, болѣе удовлетворяющія его вкусу. *Любовь* въ фізіологическомъ смыслѣ, какъ мы сказали выше, есть проявленіе не просто полового стремленія, а полового эстетическаго, т. е. не просто потребность воспроизведенія,

в: смутно сознаваемая или вовсе бессознательная потребность воспроизведения потомства болѣе совершеннаго. Это мы видимъ не только на человѣкѣ, но и на животныхъ: Крѣпкіе и болѣе красивыя самцы и самки стараются, такъ сказать, щеголять своими качествами другъ передъ другомъ: птицы соперничаютъ одна съ другою въ голосѣ; домашнія животныя и звѣри — въ своей ловкости, силѣ, храбрости. Дарвинъ говоритъ, что «гвіанскій каменный пѣтушокъ, райскія птицы и т. д., въ періодъ половыхъ стремленій, собираются кучами, и самцы, одинъ за другимъ, распускаютъ свои сверкающія перья и выдѣлываютъ странныя эволюціи передъ самками, которыя наконецъ выбираютъ самаго привлекательнаго изъ нихъ. Тотъ, кто наблюдалъ за домашними птицами, очень хорошо знаетъ, что онѣ подвержены личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ». Такимъ образомъ и у животныхъ есть періоды любви, періоды весны, соперничества, выборъ невѣсты и жениховъ, основанный на предпочтеніи лучшаго худшему. Это — естественный подборъ, въ силу котораго лучшія породы размножаются, а худшія и слабыя рѣдѣютъ и исчезаютъ. То же самое и у человѣка. Какъ только начинаютъ проявляться въ немъ половыя инстинкты, вмѣстѣ съ этимъ развивается чувство любви, т. е. предпочтеніе лучшаго (по личнымъ понятіямъ) индивидуума худшему и стремленіе вступить въ брачныя половыя сношенія именно съ этимъ индивидуумомъ.

Періодъ лучшей красоты и силы, обыкновенно, совпадаетъ съ періодомъ этого выбора. Какъ только эта половая задача кончена, воспроизведеніе потомства произошло, мужчина и женщина болѣею частью перестаютъ заботиться о своей болѣе выгодной внѣшности и сосредоточиваютъ свою заботу на потомствѣ и опять-таки на томъ, чтобы это потомство было по возможности лучше. Поэтому и говорятъ, что любить можно одинъ разъ въ жизни, такъ какъ цѣль или побужденіе къ любви только одно — воспроизведеніе рода въ болѣе удовлетворительной формѣ. Если мы видимъ факты повторяющейся любви, то должны объяснить ихъ не иначе, какъ неудовлетворительностію прежнихъ попытокъ, незаконченностію цѣли, вслѣдствіе чего являются новыя стремленія къ ея достиженію. Если любовь не увѣнчалась бракомъ, или бракъ плодородіемъ, то вслѣдъ за разочарованіемъ является новая инстинктивная потребность къ выполненію закона природы, новые поиски за женщиной по своему вкусу, новыя попытки любви, и продолжается это до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не удовлетворитъ своей цѣли. Оттого самая прочная и счастливая любовь — это любовь,

нижеющая послѣдствіемъ воспитаніе дѣтей, и оттого бездѣльное супружество не такъ прочно и не такъ удовлетворительно...

Мы сказали, что любовь есть половой эстетическій выборъ съ цѣлю воспроизведенія болѣе совершеннаго потомства; но требованія при этомъ выборѣ у разныхъ личностей, разныхъ сословій и націй бывають различны. Здѣсь играютъ роль *запросъ: мать или другія качества и личный вкусъ*. Въ силу преобладанія этихъ требованій и развиваются въ послѣдующихъ поколѣніяхъ тѣ или другія характеристическія особенности; стало быть вкусъ и запросъ при выборѣ супруговъ играютъ не маловажную роль въ прочности или подвижности, совершенствѣ или ухудшеніи физическихъ и даже моральныхъ качествъ послѣдующихъ поколѣній. Доказательство этого можно видѣть въ сохранившихся до сихъ поръ особенностяхъ сложенія у различныхъ сословій. Такъ, напримѣръ, русскій крестьянинъ, для котораго жена—работница, выработала потребность при выборѣ невѣсты искать преимущественно физической крѣпости, здоровья, богатства. Жена его должна быть и работница и кормилица, а потому у крестьянина и развился вкусъ къ женщинамъ плотно-сложеннымъ, краснощекимъ, съ большими грудями. Этотъ вкусъ когда-то былъ и обще-русскимъ вкусомъ, когда на женщину смотрѣли не какъ на Сильфиду, а какъ на расторопную хозяйку и здоровую мать.

Если мы вспомнимъ идеаль русской женщины, по оставшимся литературнымъ памятникамъ, то увидимъ, что прежде болѣе всего цѣнились: длинная русая коса, лебединая грудь, щеки съ ямочкой, бровь съ молокомъ. Въ 1793 г. идеаль женской красоты рисовали такъ: «женское пригожество составляютъ: младость, средній ростъ и *дородство*; стройность всѣхъ частей, длинные, бѣлокурные волосы, тѣло нѣжное и чистое; здоровая и румяная бѣлизна, ровное чело и не мускулистые виски, глаза свѣтлосѣрые, большіе, не на выкатѣ, но ровно съ лицомъ, имѣющіе пріятный взоръ; носъ долговатъ, *щеки не много вытуклы съ небольшими ямками*, губы румянныя, малый ротъ, бѣлые и ровные зубы, нѣсколько продолговатую бородку *съ ямкою*, небольшія уши, прилегшія къ головѣ; грудь бѣлая и крутоватая, кисти у рукъ бѣлыя, длинноватыя и полныя; островатые пальцы, ногти жемчужные и овальные; тихое дыханіе, пріятный голосъ и добрый пріемъ, съ перехватомъ станъ, благородная и скромная походка» *).

Поэтому русская женщина напр. до-петровскаго періода была не

*) Письмовникъ Курганова. 5-е изданіе 1793, ч. 1. стр. 283.

то, что теперь въ высшихъ слояхъ общества. Щедрое сложеніе, блѣдно-матовый цвѣтъ лица, тонкія черты тогда были не въ модѣ; потому естественно, что потомство съ такими качествами много не размножилось и наружный типъ русской женщины складывался по другимъ требованіямъ, чѣмъ онъ складывается теперь.

Прежній взглядъ на женщину и прежнія требованія, отъ нея остались теперь почти исключительно въ низшемъ классѣ; оттого здѣсь преимущественно и сохранился прежній типъ русской женщины. При взглядѣ на деревенскихъ красавицъ, мы до сихъ поръ очень часто можемъ встрѣтить и круглыя, красныя щеки съ ямочками, и длинную русую носу, и полныя груди. Деревенская женщина до сихъ поръ такъ же плотна и коренаста, какъ была и прежде.

Относительно мужчинъ запросъ былъ преимущественно на физическую силу, высокій ростъ, коренастое сложеніе. Такой идеалъ мужского совершенства рельефнѣе всего выразился въ народной поэзіи о богатыряхъ, поднимающихъ палицу въ тридцать пудъ, выпивающихъ однимъ духомъ чару зелена вина въ полтора ведра, побивающихъ цѣлую рать и пр. Отъ мужчины изящныхъ формъ не требовали, развѣ за исключеніемъ русыхъ кудрей, а требовали силы и отваги. Подъ вліяніемъ такого идеала, русскій крестьянинъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ долженъ былъ развивать или, по крайней мѣрѣ, поддерживать помянутыя качества. И мы дѣйствительно видимъ, что масса русскаго народонаселенія сложена гораздо крѣпче, обладаетъ большей физической силой, чѣмъ другія націи.

У купцовъ средней руки или вообще у купцовъ, не измѣнившихъ дѣдовскимъ вкусамъ и обычаямъ, понятіе о красотѣ и запросъ на эту красоту совсѣмъ другіе, чѣмъ у привилегированныхъ сословій, даже чѣмъ у крестьянъ. Купецъ отдаетъ въ этомъ отношеніи преимущество пухлости и округлости формъ; ему нужна не сухая пикантность, а плоть и кровь съ достаточнымъ количествомъ жира, лебединая грудь, щеки съ сплошнымъ румянцемъ; поэтому, вслѣдствіе усиленнаго запроса на эти качества, личности, обладающія ими, скорѣе выходятъ замужъ и, стало быть, въ большемъ количествѣ плодятъ себѣ подобныхъ. Такимъ образомъ размножается и складывается купеческій типъ, по которому, въ большинствѣ случаевъ, купчихъ легко отличить отъ женщинъ другого сословія.

Въ среднемъ и высшемъ классѣ нашего общества понятіе о красотѣ, а стало быть и вкусъ, совершенно измѣнились. Не вдаваясь въ причины измѣненія этого вкуса, скажемъ только, что здѣсь не маловажное значеніе имѣла литература. Въ былое время дѣвочки и мальчики зачитывались Жуковскимъ и другими подоб-

ними поэтами, рисовавшими женскій идеалъ въ полувоздушныхъ формахъ. Такой болѣзненнымъ, искаженнымъ идеалъ естественно принималъ въ жизнь. Дѣвушки и женщины морила себя голодомъ или, по крайней мѣрѣ, стыдился при людяхъ ѣсть, какъ слѣдуетъ здоровому человѣку, пила уксусъ, ѣла жѣлъ и глину, напускала на себя худобу и блѣдность, чтобы больше походить на неземное твореніе и криличѣе вздымать и смотреть на луну*). Мужчины въ свою очередь, зараженные тѣмъ же извращеннымъ вкусомъ, предпочитали подобныхъ женщинъ. Крѣпко сложенная и здоровая красавица имъ казалась Матреной. Кромѣ того, и сами мужчины любили понтересничать своей физиономіей въ томъ же родѣ, добиваясь естественной или искусственной блѣдности, и возможности утомять свое тѣло. Однимъ словомъ, страдальческій видъ былъ въ модѣ, и чѣмъ болѣзненнѣе, блѣднѣе человѣкъ, тѣмъ онъ казался лучше. Понятно послѣ этого, какаго приплода можно было ожидать отъ сочетанія подобныхъ личностей. И вотъ въ нараждающихся поколѣніяхъ достигли наконецъ необыкновенной тонкости и нѣжности кожи, истончили кости скелета, по возможности уничтожили жирную подстилку, однимъ словомъ—сдѣлали изъ привилегированныхъ сословій нѣчто безплотное и бездушное, потому что сильная душа можетъ быть только въ крѣпкомъ тѣлѣ.

Англійская нація выработала себѣ вкусъ къ здоровью и крѣпости. Тамъ, даже въ высшихъ слояхъ общества, между другими качествами жены требуютъ качество здоровой матери и кормилицы. Мужчины, съ своей стороны, также не щеголяютъ нѣжными сложеніемъ, и чѣмъ крѣпче, рослѣе и мускулистѣе мужчина, тѣмъ онъ предпочтительнѣе. Отъ такихъ браковъ, естественно, рождается такой же приплодъ. Мы любуемся дѣтьми англичанъ, перенимаемъ отъ нихъ манеру воспитанія, но, не смотря на это, наши привилегированныя дѣтки, гуляющія съ голыми ножками, все-таки остаются тѣми же щедушными созданіями. И это понятно, потому что сложеніе ребенка есть результатъ наслѣдственности; воспитаніемъ оно можетъ только поддерживаться и сохраняться. Изъ чахлаго сѣмяни не разовьется крѣпкое потомство; сколько бы мы ни положили заботъ на его воспитаніе.

Мы не разбираемъ адѣсь, который изъ приведенныхъ вкусовъ или

*) Въ настоящее время я знаю нѣсколько женщинъ, которыя откровенно признавались, что во время своей цвѣтущей молодости онѣ ненавидѣли свое здоровье, свой румянецъ, и различнымъ образомъ настаивали на томъ, чтобы ежегодно производить по нѣскольку кровопусканій единственно въ цѣлю уменьшитъ естественнѣе на каждую красному щемъ.

идеаловъ красоты лучше и натуральнѣе, — это легко могутъ рѣшить сами читатели, — а приводимъ только факты, что вкусъ и запросъ отражаются на человѣческомъ пожеланіи точно также, какъ они отражаются, путемъ искусственнаго подбора; на усовершенствованныхъ съ извѣстною цѣлю животныхъ (товарунция овцы, рисистыя лошади и проч.). Но мы, конечно, далеки отъ той мысли, чтобы измѣненіе или характеристику физическихъ свойствъ извѣстной націи или сословія выводить исключительно изъ этого источника. Напротивъ, на развитіе тѣхъ или другихъ физическихъ качествъ имѣютъ влияние и много другихъ условій, о которыхъ мы скажемъ ниже.

Кромѣ запроса на физическую красоту, естественно въ обществѣ долженъ существовать и запросъ на нравственную и умственную силу. Относительно послѣдняго слѣдуетъ однако же замѣтить, что онъ до сихъ поръ преимущественно направленъ былъ къ однимъ мужчинамъ, а не къ женщинамъ. Отъ первыхъ требовали по преимуществу ума и силы, отъ вторыхъ красоты и сердца. Правда, относительно выбора невѣсты еще давнымъ давно ставили условіемъ, чтобы она была *«лицомъ красна и умомъ сверина»*, но послѣднее условіе болѣею частію пренебрегалось. Народъ привыкъ смотрѣть на женщину, какъ на созданіе въ умственномъ отношеніи слабое, поэтому и не былъ къ ней взыскателемъ, удовлетворяясь одними физическими ея качествами. «У бабы волосъ дологъ да умъ коротокъ», говоритъ народъ. «Умъ женскій не твердъ; говорили старыя книжники, аки храмъ не покровень; мудрость женская, аки оплотъ не окопанъ, до вѣтру стоитъ: вѣтръ повѣтъ — и оплотъ порушится; такъ и мудрость женская, аки оплотъ, до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немоощѣйшии суть разумы женскіи, въ нечувственныхъ ничтоже могуща умное постигнути». «Московскаго государства женскій полъ, говоритъ Котошихинъ, грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди нието ихъ, и они людей видѣти не могутъ, и потому мочно дознаться, отчего бѣ быти гораздо разумными и смѣлыми; также какъ и замужъ выдутъ и ихъ потому жѣ люди видятъ мало».

Такимъ образомъ, отъ женщины требовали не ума, а только красоты и доброты, рабской покорности и стыдливости. При общемъ убѣжденіи, объ умственномъ и нравственномъ бессиліи женщины, она сама наконецъ признала такое мнѣніе вѣра, нравственно и

физически поработавъ себя мужу. Выраженіе, что мужъ есть «глаза жены», принято было въ самомъ обширномъ смыслѣ. Мужъ, не поветывающій своей женой, считался унижающимъ свое мужское достоинство.

«Ни въ скотѣхъ скотъ воза, ни въ рыбахъ рыба ракъ, ни въ птицахъ птица смичь, ни въ звѣряхъ звѣрь ежь, ни въ человѣдѣхъ человекъ, которыми мужемъ жена владѣеть».

Въ такомъ положеніи былъ запросъ на умственные качества женщины до петровскаго періода. Съ этого времени женщина стала принимать большее участіе въ общественной жизни, начала больше стлкаться съ людьми и поэтому, естественно, запросъ на ея умственные качества увеличился. Мужу стыдно было, если его жена въ обществѣ, въ разговорахъ оказывалась *простовата* и *несмыслена*. Но этотъ запросъ на развитіе, происходящій изъ эгоистическихъ видовъ мужчины, былъ слишкомъ ограниченъ. Онъ не подкрѣплялся потребностію женскаго развитія, вытекавшею изъ самой жизни, изъ соціального положенія женщины. Женское развитіе имѣло примѣненіе только въ гостинныхъ, а не на общественныхъ аренахъ; поэтому оно имѣло одностороннее, такъ сказать, поверхностное направленіе. Такой ограниченный запросъ на умственное развитіе женщины въ массѣ остается и до сихъ поръ. Отъ женщины большею частію не требуютъ ни большого ума, ни основательнаго образованія, — это считается излишней, непримѣнимой къ дѣлу роскошью, — а ограничиваются тѣмъ, если она усвоитъ вышнія манеры, иностранную рѣчь, съумѣетъ прилично и со вкусомъ одѣться и броситъ въ обществѣ нѣсколько вычитанныхъ изъ повѣвшихъ журналовъ фразъ. При такомъ ограниченномъ запросѣ, при такомъ недостаточномъ примѣненіи умственнаго развитія въ жизни, естественно, это развитіе подвигалось очень туго. Только въ самое послѣднее время, когда на женщину стали смотрѣть, какъ на существо въ умственномъ отношеніи равносильное мужчинѣ, когда стали ждать отъ нея и требовать болѣе серьезнаго образованія и болѣе серьезной умственной дѣятельности, въ рядахъ женщинъ стали появляться личности, болѣе или менѣе удовлетворяющія этому требованію. Если бы теперь для женщины открылось большее, или даже какое бы то ни было примѣненіе умственныхъ силъ въ гражданской жизни, положимъ напр., если бы она могла быть медикомъ, учителемъ и пр., то, само собою разумѣется, что, рядомъ съ запросомъ, развились бы и эти силы. Все это показываетъ только, что запросъ играетъ большую роль въ развитіи тѣхъ или другихъ качествъ массы народонаселенія и подтверждаетъ общее положеніе, что производитель-

ность идти рука объ руку съ потреблениемъ. Отъ женщины до сихъ поръ требовали любви, сердца, граціи, кокетства, и она развила въ себѣ это до тонкости. Будетъ время, когда эти качества выйдутъ изъ моды, и они удалятся на второй планъ подъ выступающими новыми требованіями, точно также, какъ ступенчались въ современномъ женскомъ обществѣ нѣкоторыя, бывшія нѣкогда въ модѣ, физическія качества, напр. пухлыя щеки съ ямочками и полныя груди.

Мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о вліяніи запроса на умственное развитіе мужчинъ, — это очевидно само собой. На мужчинъ всегда лежала прямая обязанность всѣхъ заботъ и распоряженій какъ относительно своего семейства, такъ и дѣлъ гражданскихъ, государственныхъ. Мужчину точно такъ же сравнивали съ головой, или женщину съ сердцемъ; поэтому естественно, что умственныя качества въ немъ цѣнились и требовались болѣе всѣхъ другихъ. Въ силу этого, умъ мужчины, при постоянномъ упражненіи и изощреніи, развивался болѣе быстрыми шагами, тогда какъ другія качества, напр. физическая красота, сердечность, были оставлены на второмъ планѣ.

Разсматривая въ частности проявленіе умственнаго развитія въ различныхъ профессіяхъ, мы еще нагляднѣе убѣдимся въ прямой зависимости его отъ степени запроса. Было время, когда въ Россіи большую часть умственнаго труда, по крайней мѣрѣ, относительно нѣкоторыхъ специальностей, возлагали на иностранцевъ, считая русскихъ неспособными въ этому труду, точно такъ же, какъ теперь считаютъ женщинъ, — и слѣдствіемъ этого выходило то, что мы по этимъ специальностямъ не имѣли никакого развитія. Такъ напр. еще не очень давно думали, что механикомъ, аптекаремъ, медикомъ, профессоромъ и пр. можетъ быть только нѣмецъ, что будто бы у русскаго человѣка не хватитъ для этого ни ума, ни твердѣнія. Такое мнѣніе поддерживалось долго не только влѣдствіе извѣстныхъ распоряженій по внушенію иностранныхъ вліятельныхъ специалистовъ, но и по ложному убѣжденію публики. Съ перемѣною взглядовъ на русскія способности, съ увеличивающимся запросомъ на русскіе умы, они быстро начинаютъ развиваться въ требуемомъ направленіи. Теперь публика убѣдилась, что и русскій человѣкъ можетъ быть хорошимъ докторомъ или механикомъ, и это убѣжденіе служитъ уже залогомъ, что у насъ не перестанутъ развиваться эти специальности на домашней почвѣ. Но публика не убѣдилась до сихъ поръ, что женщина можетъ исполнять нѣкоторыя гражданскія профессіи точно такъ же, какъ